

язычества, в то время еще увенчанной ослепительным сиянием искусства и литературы.

Апостольский вестник, поклонник Иисуса, вознегодовал, узрев изображение языческих богов в виде образцовых творений греческого искусства, переполнявших город, а равно блистательные храмы, к мраморным колоннадам коих притекали процессии жрецов и народа. Он призывал языческий город к поклонению Христу, но сознавал, что Афины всеми помыслами чуждаются евангельского благовестия. Любознательные стойки и эпикурейцы посмеивались над чужестранцем из Тарса, который проповедовал о пришествии Мессии, о воскресении из мертвых и о Страшном суде и остроумно указывал на эпиграфическую надпись на известном жертвеннике, гласившую о неведомом грекам божестве. Из скудных сведений, сообщаемых нам апостольской историей, мы можем лишь догадываться, что именно восторженный проповедник вещал афинским философам: он утверждал, что чудный греческий мир неключимо обречен на смерть, ибо слишком узок и бездушен, опираясь на преимущества национальной исключительности, на рабство и на горделивое презрение к варварам; поэтому грекам не возвыситься до высшего идеала человечества и его Творца, перед лицом которого нет ни греков, ни евреев, ни варваров, ни скифов, ни рабов, ни вольных людей, ибо все объединены в единое тело, проникнутое единым духом». Да и кто мог бы в те времена провидеть, что по прошествии ряда веков именно новая религия, которую провозвещал апостол Павел афинянам, окажется единственным палладиумом, которому эллины будут обязаны сохранением в неприкосновенности своей народности, литературы и языка?

Павел из Афин направился в космополитический торговый город *Коринф*, где и проповедовал в течение последующего года. Легенда об афинском сановнике *Дионисии* и о *Дамарисе*, правда, свидетельствует, что апостолу удалось насадить зародыш христианской церкви на скалах, где возносился *Ареопаг*, но долгое еще время потребовалось для того, чтобы зерно это развилось до полной жизненной силы.